

История семьи Василия Ивановича Башкина.

Ведь совсем маленькая была, а вот запомнила. Мы сидели у стены справа от двери, а немецкий солдат, ногой открывший дверь, стрелял из автомата по тем людям, что сидели на полу

напротив двери. Оттащили немца свои же, но несколько человек, среди убитых были и дети, остались лежать на полу подвала». Дверь с южной стороны Дома культуры, что в 1941 г. была входом в подвал клуба посёлка Коммунар, существует и сегодня. Именно там прятались от обстрелов и бомбёжки наступающих немецких войск жители посёлка, вспоминает Шалыгина Валентина Васильевна, в девичестве Башкина. Поселковые мальчишки 1950-х годов, бегающие на спор по первому тонкому льду на реке, неслись через эту дверь в подвал, чтобы просушить одежду на трубах отопления. И штангисты тоже через эту дверь попадали на свои тренировки. Знали ли они о трагедии, разыгравшейся здесь в первые дни войны?

Валентина Васильевна позвонила в редакцию газеты «Комм-инфо», прочитав в газете статью, в которой шла речь о земляках, павших в годы войны. Есть на скорбных плитах памятника коммунарцам, не вернувшихся с войны, и фамилия отца Валентины Васильевны — Башкин Василий Иванович.

Валентина Ивановна не знает, кем трудился отец на бумажной фабрике. Помнит только то, что у отца, по рассказам родных, были золотые руки. Мог починить всё, что угодно. Прошёл Василий Иванович финскую войну, а уже в июне был призван Слуцким райвоенкоматом на Великую Отечественную войну. «Папа прожил на свете белом всего 33 года.

Уже после войны мама получила похоронку: «Ваш муж, старший сержант Башкин Василий Иванович, в бою за социалистическую Родину, проявив геройство и мужество, погиб 19 марта 1943 года. Похоронен с отдаением воинских почестей». И подпись: Павловский райвоенком, 1946 год. Уже послевоенные поиски места гибели и захоронения Василия Ивановича привели родных в деревню Вороново, в те годы Мгинского района. Именно здесь погиб и был первоначально захоронен старший сержант, командир отделения 286 стрелковой дивизии Башкин Василий Иванович. Уже потом останки героя были перенесены в братское захоронение на станции Новая Малукса. «Узнали об этом из ответа, что

пришёл к нам из Подольского архива. Поехали с мужем искать. Кладбище в лесу, песочек. Идём, читаем фамилии, ищем. Вдруг сердечко забилось часто-часто, нашла папину фамилию». Каждый год, в День Победы, близкие Василия Ивановича навещают могилку родного человека.

Разговариваем мы дома у Валентины Ивановны, куда она меня любезно и пригласила: Комсомол, улица Куралёва. А тогда, в довоенные годы, это была улица Краснославянская, где и стоял дом семьи Василия Ивановича Башкина. «Этот дом мы поставили в 1966 Г., а папин, довоенный, стоял вот тут, рядышком», — показывает рукой в окно Валентина Ивановна.

«Папа ушёл на войну, посёлок Коммунар уже бомбили и обстреливали, с продуктами начались сложности. Решили собраться всей роднёй в одном месте, вместе и выживать. Бабушка, Мартынова Анна Алексеевна стала главой всей нашей большой семьи. Рядом с нами были и её родные сёстры, Прасковья и Мария. Поселились мы на первом этаже двухэтажного деревянного дома, что стоял в те годы на месте нынешнего Дома Быта. Пережил тот дом войну, в него мы и возвращались в 1945 г. из прибалтийской неволи. А вот в соседний дом попала бомба, много людей погибло. После этой бомбёжки мой маленький двоюродный братик Володя от испуга стал заикаться».

Ну вот, теперь стало ясно, почему такими знакомыми показались мне и фамилия моей собеседницы, и адрес её дома на улице Куралёва, который мне передали из редакции. Володя Местеляйнен, родственник Валентины Ивановны. Человек, с которым мы не один год проработали бок о бок. О его нелёгком детстве нам рассказывала его дочь, Елена Кондратенко. Был там рассказ и о годах жизни большой коммунаровской семьи в годы войны в латвийской неволе.

На вопрос, а почему ваша большая семья не эвакуировалась, ведь немцы уже были близко, моя собеседница рассказала, что и их вывезли в Ленинград, поселили в какой-то школе и забыли. Неизвестность, есть нечего. Многие семьи тогда решили вернуться в родной посёлок, дома и стены жить помогают.

«Как добирались в Коммунар, не помню. Помню, что посёлок бомбили всё чаще и чаще. Взрослые решили пересидеть это время в лесу. Вырыли землянку за Красной будкой, туда и перебрались. Да только пришлось вскоре возвращаться, не выжить было в лесу с малыми детьми. Вещи, что закапывали в ямы перед эвакуацией, у многих исчезли. Забегая вперёд, моя собеседница рассказала, что их вещи, зарытые в землю в деревне Местелево на берегу Ижоры, пережили всю войну. А швейная машинка, выкопанная из земли в мае 1945 г., помогала выжить семье в голодные послевоенные годы.

Посёлок заняли немцы, ввели комендантский час. После шести вечера на улицу выходить запрещалось. Жить было очень тяжело, все голодали. Маленького Володю посылали к солдатской кухне собирать картофельные очистки. Появились в посёлке испанцы, а один из них очень нас напугал. Бабушка пекла лепёшки из картофельных очисток, когда испанский солдат вошёл к нам на кухню. Он молча сгрёб все очистки с плиты и стола в мусорное ведро и вышел. Бабушка заплакала, причитая сквозь слёзы, что немцы хоть так разрешали нам питаться, а испанцы и это отнимут. Какой же радостный испуг мы испытали, когда этот солдат вернулся с несколькими буханками белого хлеба. С тех пор жить нам стало немного легче. Женщины стирали испанцам бельё, и получали за работу продукты».

А уже в 1943 г. всю большую семью вместе с другими жителями посёлка и окрестных деревень в теплушках немцы увозили на запад. «Нас привезли на небольшой аэродром где-то под Ригой, поселили в большом и высоком сарае. Было очень холодно и голодно. Взрослых угоняли на работу, а нас, детей, заставляли бегать по полю. Надеялись, что наши самолёты не станут бомбить аэродром с детьми на поле.

Потом стали всех распределять. Кого загнали в лагерь в Литве, кого увезли в Германию. А нас привезли на станцию Спари и выгрузили прямо на голую землю. И вот мы, четыре женщины и четыре ребёнка, голодные и холодные, долго сидим на земле на латвийской станции, ожидая, когда и для нас найдётся хозяин. И только поздно вечером измотанные неизвестностью мы оказались на хуторе Лидомник. В доме было два крыльца, нас поселили в маленькой комнатке, куда вход был с одного из крылец. Хозяева пользовались вторым крыльцом. Женщины работали от зари и до зари, хозяйство на хуторе было большое. Коровник и свинарник, большая конюшня. Поля окружали хутор. И нам находилась работа. Хозяйка наливала в бидончики сливки, а мы их трясли, сбивая масло. Складывали в поленницы дрова. Помню, что детей хозяина звали Аустра и Андерс. Сам он был полицаем, нас держали в строгости. Без дозволения хозяина мы не могли даже подгнившее яблоко в саду подобрать.

Однажды, в какой-то праздник, хозяин решил сфотографировать свою семью вместе с невольниками. Вот и стала эта фотография для нас, переживших все ужасы жизни в рабстве, напоминая о том страшном времени. Пусть наши потомки, вглядываясь в лица детей, лишённых детства, постараются никогда не допустить повторения подобной трагедии.

Как мы радовались, когда узнали о Победе! Все смеялись и плакали. А я обнимала маму за ногу и спрашивала: «А что это такое — победа?». Мама

смеялась и отвечала, что скоро домой поедem. Только не сразу кончились наши мучения.

Доходили до нас слухи: то на одном, то на другом хуторе бандиты вырезали всех русских. Наша мудрая бабушка решила пересидеть смутное время в лесу. По ночам взрослые выкопали в лесу землянку, и однажды утром хозяин-полицай не нашёл нас на привычном месте. Тётя Паня ушла за помощью в Ригу, и однажды утром вернулась с нашими солдатами. Вместе с ними мы пришли в дом к хозяину, который сразу стал добреньким. Забирайте, мол, всё. А мы хотели только одного, поскорее вернуться домой.

16 июля 1945 г. наш поезд проехал Красную будку, и мы из окна теплушки увидели фабричную трубу. Сколько было радости! Мы дома! И дом наш уцелел, но комната наша была занята. Поселились мы в доме на «соловках». Так мы называли два двухэтажных дома, что стояли на противоположном от фабрики берегу, рядом со старым, довоенным стадионом.

Жили тяжело, да и похоронку на отца уже принесли. Рассчитывать надо было только на себя. Бабушка давала нам корзинки, мы ходили и собирали щепки, с дровами. Наша бабушка, все звали её Нюша Мартынова, обшивала на пережившей оккупацию машинке «Зингер» всех нас, не отказывала в помощи и соседям. Обуви не было, из старья шила бурки. Оставалось найти галоши, и можно было жить.

Вторая бабушка, Анна Алексеевна, она родилась в 1898 году, прислуживала батюшке в храме в посёлке Динамо, пела в церковном хоре. Мы, дети, помогали ей из парафина отливать свечи. Из бумаги вертели гильзу, в чайничке с носиком растапливали парафин, кусочком картошки закрепляли нитку и заливали парафин. Похоронена она за алтарём, рядом с батюшкой.

Переехали мы вскоре в довоенный, построенный ещё отцом, дом на Краснославянской улице. Этот дом один из немногих на всей улице уцелел в войну, но был в плохом состоянии. Оказалось, что в годы оккупации посёлка в нём жили немецкие солдаты. В нашем доме не было ни окон, ни дверей. Собирали везде ржавые гвозди, двоюродный брат Володя Местеляйнен их выпрямлял. Потихоньку привели дом в порядок, вот и живу я здесь до сих пор. Дети, внуки навещают, привозят всё необходимое. Потихоньку и огородом занимаюсь. Всю жизнь работали, и теперь нельзя расслабляться», — смеётся Валентина Васильевна.

Беседовал Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 22 (913) 10 сентября 2020 г.